

М. А. Безнин, Т. М. Димони

Интеллектуалы в сельском хозяйстве России 1930–1980-х гг.

Статья посвящена описанию нового социального класса, сформировавшегося в советском обществе 1930–1980-х гг. – сельскохозяйственных интеллектуалов (собственников знаний и квалификаций) – агрономов, ветеринаров, зоотехников, инженеров-механиков, экономистов. В статье определена специфика бытования класса интеллектуалов в развитии советского общества, сопряженная с владением ими передовым видом капитала – интеллектуальным.

Ключевые слова: интеллектуалы, интеллектуальный капитал, социальный класс, Россия, колхозы, совхозы, государственный капитализм, социализм

M. A. Beznin, T. M. Dimoni

Intellectuals in Agriculture of Russia in 1930–1980-s

The article is devoted to the description of a new social class created in the Soviet society in 1930–1980-s – agricultural intellectuals (owners of knowledge and qualifications) – agriculturists, veterinarians, livestock specialists, mechanical engineers, economists. In the article is defined the specifics of existing of the class of intellectuals in the development of the Soviet society, with possession by them the advanced type of the capital – the intellectual one.

Keywords: intellectuals, intellectual capital, a social class, Russia, collective farms, state farms, state capitalism, socialism.

Колхозно-совхозный период нашей истории (1930–1980-е гг.) неразрывно связан с глубинными экономическими и социальными трансформациями аграрной подсистемы. Главной канвой экономических изменений стала капитализация сельского хозяйства, характеризующаяся ростом капитала и увеличением его роли среди других факторов производства [2]. Усложнение экономического устройства неизбежно повлекло классовое переструктурирование социума, в частности в сельском хозяйстве, на наш взгляд, формировались пять основных социальных классов сельскохозяйственного населения: протобуржуазия (обладающая наибольшими правами собственности на сельскохозяйственные ресурсы – председатели колхозов, директора совхозов и МТС), менеджеры (управленцы и распорядители ресурсов – бригадиры, управляющие отделениями и др.), интеллектуалы (собственники знаний – агрономы, зоотехники, инженеры-механики и др.), рабочая аристократия (те, кто работал с техникой – основой капитализирующейся экономики – трактористы, комбайнеры, шоферы и др.), сельский пролетариат (наиболее удаленные от собственности и власти «работники конно-ручного труда») [1].

В данной статье речь пойдет о классе *сельскохозяйственных интеллектуалов* (в данном случае из анализа исключены деревенские учителя, врачи, клубные работники и другие группы, традиционно относящиеся к интеллигенции, не занятой в сельхозпроизводстве). Термин «интеллектуалы» – не замена термина «интеллигенция», трактовка которого имеет свои историографические традиции. О дефиниции «интеллигенция» спор начался еще во второй половине XIX в. Считается, что впервые термин «интеллигенция» в России употребил в 1860-е гг. писатель П. Д. Боборыкин взамен писаревского термина «мыслящий пролетариат» [18, с. 608]. Примерно в это же время термин довольно часто стал применяться в Германии (*intellectuelle*) и Франции (*intellectuels*) для обозначения особого социального слоя, куда входили инженеры, техники, врачи, служащие, то есть работники умственного труда. Характерно, что представления об этом слое были довольно смутными. Например, А. Грамши в первой половине 1930-х гг. предполагал, что у каждой новой социальной группы есть своя категория интеллигенции; исключением является лишь крестьянство [11].

Современные обществоведы отмечают, что понятия «интеллигенция» и «интеллектуалы»

имели общую смысловую нагрузку, но отражали культурные и социальные различия европейских обществ [20]. Специфику русской традиции термина «интеллигенция» особенно четко прояснил П. Струве, который считал, что интеллигенция является «идейно-политической силой» исторического развития русского общества, проявляет себя в отчуждении от авторитарного государства, в революционном радикализме [45].

По канону социальной структуры советского общества, предложенному И. В. Сталиным в 1936 г., интеллигенция не рассматривалась как класс, в отличие от рабочего класса и крестьянства [44]. В советское время в общественных науках под интеллигенцией понималась «социальная прослойка, состоящая из людей, профессионально занимающихся умственным трудом» [17]. Однако при анализе состава интеллигенции возникали постоянные трудности, что говорит об определенной неточности термина и его трактовок. Часть социологов в 1950-е гг. предлагала «разнести» людей умственного труда по двум классам: состоявших членами колхозов – к колхозному крестьянству, а работавших на промышленных предприятиях и в организациях – к рабочему классу [34]. Споря с этим предложением, М. Н. Руткевич в 1960-е гг. подчеркивал, что «работники умственного труда не составляют однородной группы», а «должны быть подразделены на специалистов (интеллигенция в узком смысле слова) и служащих (служащих-неспециалистов)» [42]. Эта трактовка в советском обществознании постепенно заняла господствующие позиции. В группу «специалистов» включались лица, профессионально занимающиеся сложным умственным трудом, требующим, как правило, высшего или среднего специального образования [56].

Зарубежное обществознание также не было едино в осмыслении социальной категории интеллектуалов. Например, Р. Пайпс в 1961 г. отмечал, что «на первый план выдвинулись две группы – бюрократы и интеллектуалы, которые, являясь хранителями знаний, занимают руководящее положение в обществе» [47]. На VIII Всемирном социологическом конгрессе в Торонто в 1974 г. был проведен «круглый стол», где обсуждалась проблема дефиниции «интеллигенция» [46]. Один из ведущих социологов мира А. Гелла в ходе обсуждения подчеркнул, что термином «интеллигенция» во всех развитых и развивающихся странах обычно обозначают группы или страты «образованных», но не имеющих собственности людей. Американский социолог А. Инкельс от-

мечал, что класс интеллектуалов не является единым, а включает две социально-классовые группы: высший слой интеллектуалов (выдающиеся ученые, деятели литературы и искусства) и всех остальных интеллектуалов. Таким образом, западные исследователи начали уже в 1960–1970-е гг. выделять интеллектуалов в отдельный социальный класс на том основании, что они обладают собственностью на научные знания и ин-формацию.

Возможность использования более точной в научном плане терминологии применительно к рассматриваемой социальной категории дает введенное в 1969 г. Дж. К. Гэлбрейтом понятие «интеллектуальный капитал» [12]. По мнению Дж. Гэлбрейта, во второй половине XX в. мировая экономическая система вступила в новую стадию своего развития, специфической чертой которой стало изменение роли факторов, участвующих в процессе общественного производства: приоритетным направлением материальных и финансовых инвестиций становится интеллектуальный капитал, приобретающий форму капитала в силу общественной необходимости участия в создании общественных благ. Сегодня в общих чертах интеллектуальный капитал трактуется как капитал, воплощенный в знаниях, умениях, опыте, квалификации людей [30]. Современные авторы отмечают: интеллектуальный капитал выступает в качестве определяющей составной части производственного капитала экономики, что связано с созданием добавленной стоимости, базирующейся на знаниях и инновациях, носителем которых выступает человек с его развитыми способностями, определяемыми высоким интеллектуальным и творческим потенциалом [15].

Развитие теории интеллектуального капитала было продолжено осмыслением становления нового класса – носителя интеллектуального капитала. Основные идеи о новом классе были сформулированы в 1980–1990-е гг. Э. Гоулднером и А. Турэнном. Э. Гоулднер говорил о возникновении во всех странах мира независимо от их общественной системы «нового класса интеллектуалов и интеллигенции» [9, 10]. Описывая структуру нового класса, Гоулднер указывал на присутствие в ней как «интеллектуалов», так и «технической интеллигенции». Автор выделяет два основных теоретических параметра для измерения «нового класса»: 1) специфическую культуру дискурса, коммуникативное поведение; 2) общую теорию капитала, в которой «человеческий капитал» нового класса или «денежный ка-

питал» старого капиталистического класса представляют собой частные случаи. Указанные параметры, по Э. Гоулднеру, определяют два основных образа в проявлении нового класса: образ «культурной буржуазии» («буржуазия» – в силу обладания специфическим видом капитала) и образ «общности специфического культурного дискурса». Класс интеллигенции и интеллектуалов представляет собой более образованную часть, по сравнению со старым капиталистическим классом, а образование, знание являются тем самым специфическим капиталом, который, как считает Э. Гоулднер, определяет новый класс в среде классов собственников. Более того, по его мнению, возникновение нового класса является следствием диалектического развития капиталистического класса, так как получение прибыли в условиях конкуренции требует рационализации производства, повышения его эффективности, что зависит от усилий нового класса интеллектуалов (интеллигенции) и его специальных умений. Таким образом, полагает автор, старый капиталистический класс вынужден инвестировать класс интеллигенции и способствовать поддержке его социального статуса иными средствами.

Еще одной важной чертой «нового класса», которую отмечают зарубежные социологи 1980–1990-х гг., является собственная идеология и собственные интересы, представленные в культурном капитале. Значительная часть социологов считает, что интеллектуалы движутся по пути к классовой власти. Особенно ярко вхождение интеллектуалов во власть описывает французский социолог А. Турэн, который считает, что в условиях растущей концентрации власти, совмещения экономического господства, политической власти и культурной манипуляции недоминантные социальные группы вынуждены вести борьбу за свою самоидентификацию, становиться социальными акторами [48, 50]. Об этом же пишет Э. Гоулднер, по мнению которого новый класс интеллигенции и интеллектуалов, вырастающий на основе присвоения коллективно произведенного культурного капитала, представляет собой революционную силу общества поздней современности, является основным социальным актором нового трансформационного процесса. Нужно отметить, что в советологии тезис о конфликте интеллигенции и высших политических слоев СССР существовал и в более раннее время [13, 21].

В целом можно заключить, что однозначной трактовки социальной категории «носителей знания» не существует. Во всемирной историо-

графии применительно к ним чаще употреблялся термин «интеллектуалы», в советской историографии – термины «интеллигенция» и «служащие». На наш взгляд, более верным является определение «интеллектуалы» – по характеру труда этой группы, контролируемому ресурсу (знанию, интеллекту), месту в производстве и т. д., тем более что после разработки теорий «интеллектуального капитала», «класса знания» к началу XXI в. сложилось понимание интеллектуалов как социального класса, который объединяет индивидов, профессионально занятых высококвалифицированным умственным трудом и объединенных схожим местом в имущественной структуре (базирующейся, прежде всего, на «интеллектуальной собственности»), а также обладающих близким объемом прав и обязанностей [41].

Наиболее ярко и контрастно генезис нового класса интеллектуалов в советском обществе прослеживается в деревенской среде – традиционно более косной и консервативной, чем городская. Небольшое число носителей знания присутствовало в деревне и в досоветскую эпоху – агрономы, ветеринарные работники, землемеры и др. Однако, выделившись как профессионалы, они не могли сформироваться как отдельный класс, не только в силу малочисленности, но и по причине невозможности применения такого ресурса, как интеллект, в низкокапитализированной, архаичной экономике доколхозной деревни. В колхозное же время синхронно с приходом капитала в виде экономического и финансового ресурса стал все более востребован капитал интеллектуальный. Носителями этого интеллектуального капитала в колхозно-совхозной деревне были агрономы, зоотехники, ветеринары, инженеры, бухгалтеры, экономисты и другие категории. Определение «интеллектуалы» в отношении перечисленных представителей данного класса, возможно, покажется неожиданным, однако оно наиболее точно отражает его суть. Именно добытые в результате специального образования знания, интеллект, используемый как своеобразный вид капитала, внедряли они в жизнь колхозов и совхозов.

В 1930 г. в Советском Союзе насчитывалось приблизительно 46 тыс. человек, работавших на должностях специалистов (в том числе практики) сельского хозяйства (вместе с работавшими в органах государственного управления, занятыми в преподавании и т. д.) [23, с. 498–499]. С конца

1930-х гг. данные о величине интеллектуального капитала в сельском хозяйстве становятся более упорядоченными. В 1941 г. в СССР численность специалистов сельского хозяйства (агрономов, зоотехников, ветеринарных работников, получивших высшее и среднее специальное сельхозобразование) составляла 34 тыс., в 1960 г. – 294 тыс., в 1980 г. – 792 тыс. [22, с. 528; 37, с. 456; 38, с. 359]. В период складывания и «классического» функционирования колхозно-совхозного строя с 1930-х до начала 1960-х гг. их численность увеличивалась достаточно быстро, в 1960–1980-е гг. темпы роста замедлились. При этом темпы роста числа сельскохозяйственных интеллектуалов в 1930–1960 гг. серьезно опережали темпы роста основного производственного капитала в сельском хозяйстве (за это время он вырос примерно в 2 раза), а в 1960–1980-е гг. отставали от роста производственных сельскохозяйственных капиталов (с 1960 по конец 1980-х гг. они возросли более чем в 5 раз) [2, с. 29–30].

В 1930–1950-е гг. основой класса интеллектуалов в сельском хозяйстве были агрономы. В условиях малой величины капиталов внедрение в сельхозпроизводство агрономов (в основном через сеть МТС и земотделов) было связано, прежде всего, с задачами соединения передовых частей капитала (тракторов, другой техники) с землей, внедрением крупных форм зернового производства. В конце 1950-х – 1960-е гг. численность ветеринаров и зоотехников превышала численность остальных групп сельскохозяйственных интеллектуалов, что объясняется решением задач капитализации животноводства. В 1960–1980-е гг. основное значение в факторах производства приобрел капитал, сосредоточенный прежде всего в передовых его формах – машинах и механизмах, что отражалось в нарастании среди всех групп интеллектуалов инженеров и техников механизации. Усложнение и укрупнение производства, возрастание значения финансовых потоков в сельском хозяйстве привело к увеличению роли еще одной важнейшей группы сельскохозяйственных интеллектуалов – экономистов и бухгалтерских работников.

Интересен процесс складывания класса интеллектуалов. Этот класс формировался вне деревни. В начале 1930-х гг. осуществлялись систематические перемещения в колхозно-совхозное производство специалистов сельского хозяйства, «осевших» в городах и сельских учреждениях [7, с. 72], однако до 1950-х гг. основная их часть была занята вне сельхозпредприятий. В 1951 г. 27 %

специалистов сельского хозяйства работали в аппарате управления (министерствах, исполкомах и др.), 28 % – в участковой сети, 19 % – в МТС, 5 % – в колхозах [РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 18. Д. 1144. Л. 2; Д. 1683. Л. 53]. С 1953 г., когда Пленум ЦК КПСС принял решение о реорганизации системы участкового обслуживания колхозов [31, с. 23, 52], начинается *первый этап* в оседании интеллектуалов на землю. Теперь агрономы и зоотехники концентрировались в МТС. *Второй этап* межукладных перемещений сельскохозяйственных интеллектуалов относится к 1955 г., когда агрономы и зоотехники переводились из штатов МТС непосредственно в колхозы [14, с. 185]. *Третий этап* связан с реорганизацией МТС в 1958 г., когда все категории сельскохозяйственных интеллектуалов стали концентрироваться в колхозах и совхозах. Таким образом, в 1950-е гг. завершился длительный этап действия механизма разделенной собственности в отношении интеллектуального сельскохозяйственного капитала.

Показателем изменений, происходящих в классе интеллектуалов, является серьезная эволюция их *правового статуса* в 1930–1980-е гг. Сельскохозяйственные интеллектуалы с 1930-х по середину 1950-х гг. являлись служащими, они работали на условиях найма. Сельскохозяйственные интеллектуалы обладали большей, чем колхозники, полнотой гражданских прав – имели паспорт, могли свободно передвигаться. В середине – второй половине 1930-х гг. их правовое положение начало меняться в сторону «прикрепления к земле». В 1933 г. был введен институт «распределения» после окончания высшего или среднего специального учебного заведения, согласно которому выпускники должны были отработать в хозяйстве не менее 5 лет [25]. В 1939 г. сельскохозяйственные интеллектуалы получили право на приусадебный участок (0,15 га) и предоставление выпасов. В этом же году все служащие, проживающие в сельской местности, были привлечены к обязательным поставкам молока и мяса государству [36, с. 184–185]. Однако они, как правило, не несли повинность по обязательным поставкам продукции растениеводства, не облагались сельхозналогом [8, с. 125]. В 1940 г. сельскохозяйственным специалистам, как и другим служащим, был запрещен «самовольный уход с предприятий и учреждений» [8, с. 210–211]. Следовательно, 1930-е гг. были периодом «усаживания» сельскохозяйственных интеллектуалов на «землю», нивелирования их привилегированного социального статуса, включения в

систему повинностных отношений [4], характерных для деревни 1930–1950-х гг.

Эволюция правового положения сельскохозяйственных интеллектуалов к началу 1940-х гг. создала условия для укоренения интеллектуального капитала непосредственно в сельскохозяйственном производстве. Отчетливо такую готовность отразила дискуссия, развернувшаяся по поводу статьи агронома Сахарова «О правах и обязанностях агронома» [35] в газете «Социалистическое земледелие» в 1940 г. Размышляя по поводу этой статьи, агроном-семеновод Латенской МТС Воронежской области Н. Шарыкин в том же году писал в редакцию газеты: *«Как агроном может быть полноправным организатором производства, если он сам поставлен в положение механического исполнителя воли близоруких и недалевидных руководителей в МТС, райзо или даже облзо. Как может быть агроном организатором производства, если средствами производства распоряжается директор МТС и любое лицо в районе... если он не имеет никаких прав и полномочий перестраивать это производство в соответствии с требованиями передовой агротехники»* [РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 19. Д. 333. Л. 1–9]. Однако Великая Отечественная война надолго прервала наметившуюся тенденцию.

Только в середине 1950-х гг. начались крупные изменения в правовом статусе сельскохозяйственных интеллектуалов. В 1955 г. агрономам и зоотехникам, перешедшим из МТС в колхозы, рекомендовалось вступать в члены сельскохозяйственных артелей, и в 1956 г. половина сельскохозяйственных интеллектуалов сменили свой социально-правовой статус, став колхозниками [51, с. 257]. Соответственно, становясь членами колхоза, они переводились на содержание колхоза и оплачивались трудоднями. Кроме того, сельскохозяйственные интеллектуалы, став колхозниками, лишались «соцпакета»: прав на пенсию, на оплачиваемый отпуск, на членство в профсоюзе и ряда других льгот, которыми они пользовались в штате МТС.

Эти решения породили поток возражений от сельскохозяйственных интеллектуалов. Редакция газеты «Сельское хозяйство» в период наиболее интенсивного поступления корреспонденции (1955–1958 г.) постоянно составляла сводки «типичных» писем от сельскохозяйственных интеллектуалов. Например, А. С. Козьменко, агроном колхоза из Калининградской области, спрашивал: *«Будут ли иметь право на пенсию и сохранят ли свой профсоюзный стаж специалисты сельского*

хозяйства, проработавшие 20 и более лет, при условии, что они теперь работают в колхозах?... Нас не страшит ни жизнь колхозная, ни оплата трудоднями, так как все это очередная естественная необходимость. Для нас является большой обидой, что мы лишаемся права на пенсию» [РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 18. Д. 1356. Л. 37–38]. Классовый протест интеллектуалов выразился и в их исходе из деревни. По данным управления руководящих кадров Министерства сельского хозяйства СССР, только за 1956 г. из колхозов РСФСР ушло около 13000 агрономов и зоотехников или 23 % к общему их количеству по состоянию на конец 1956 г. За 1957 г. убыло из колхозов еще свыше 14000 специалистов сельского хозяйства или более 25 % к их наличию на начало 1958 г. [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 202. Л. 7].

Результаты борьбы сельскохозяйственных интеллектуалов за свои права последовали достаточно быстро. Уже в начале 1960-х гг. на специалистов сельского хозяйства, перешедших в колхозы из МТС и других государственных учреждений и предприятий, было распространено трудовое законодательство. Им возвратили право на оплачиваемые ежегодные отпуска, на пенсию по инвалидности, по старости, за выслугу лет, они могли состоять в профсоюзе, совмещая это с членством в сельхозартеле [39, с. 300]. В 1964 г. практически завершилось «вживание» отстаивавших свои классовые позиции интеллектуалов в аграрное производство как особого класса: было принято Постановление ЦК КПСС и СМ СССР об установлении размеров должностных окладов имеющим высшее и среднее специальное образование специалистам колхозов на уровне размеров должностных окладов, устанавливаемых для специалистов совхозов с соответствующим объемом производства сельхозпродукции [32, с. 454]. В том же году было определено, что колхозным специалистам, имеющим высшее или среднее специальное образование и работающим по специальности во всех звеньях колхозного производства, назначаются пенсии по старости и по инвалидности в порядке, предусмотренном для рабочих, служащих и членов их семей [32, с. 484]. Следовательно, сельскохозяйственные интеллектуалы, работающие в двух основных производственных укладах сельского хозяйства страны, были формально консолидированы в единую для законодателя группу: они считались служащими, получали заработную плату, обладали особыми социальными правами и гарантиями.

Завершение имплантации сельскохозяйственных интеллектуалов в сельскую экономику в середине 1960-х гг. не выглядит случайностью в логике развития страны. Во-первых, этот ресурс по накопленному интеллектуальному капиталу был уже достаточно велик. Во-вторых, значимость интеллектуальной составляющей производства возрастала в связи с необходимостью полномасштабной реализации накопленного физического капитала (прежде всего, средств производства), который с 1960-х гг. в сельском хозяйстве России становится господствующим ресурсом [2, с. 88–89]. Так как носителем интеллектуального капитала является человеческая личность, достаточно чувствительная к ущемлению своих классово-групповых интересов и устремлений, власти пришлось учитывать этот фактор, реализуя политику интеллектуальной капитализации деревни в комфортном для интеллектуалов направлении.

Особое внимание власти со второй половины 1950-х гг. привлекала проблема эффективного управления интеллектуальным капиталом, что было невозможно сделать без внедрения интеллектуалов на этаж менеджмента. С 1950-х гг. начинается этап широкого привнесения в протобуржуазный и менеджерский класс села интеллектуальной составляющей [5; 3; 6]. В 1952 г. 14 % председателей колхозов СССР, 0,3 % бригадиров колхозов, 0,5 % зав. животноводческими фермами имели образование агронома, зоотехника, ветврача и т. д. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 379. Л. 83]. В 1959 г. среди председателей колхозов России было 45 % имеющих высшее и среднее специальное образование, среди бригадиров и зав. животноводческими фермами – около 3 % [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 240. Л. 64].

В государственном укладе сближение сельскохозяйственных интеллектуалов с классами протобуржуазии и менеджеров было еще более интенсивным. В 1958 г. среди директоров совхозов Министерства совхозов РСФСР было 86 % сельскохозяйственных специалистов с высшим и средним специальным образованием (инженеров, техников, агрономов, зоотехников, ветврачей, ветфельдшеров и др.), 35 % образованных специалистов было среди зав. ремонтными мастерскими, 29 % – среди управляющих отделениями совхозов [РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 18. Д. 1430. Л. 3–3об]. В 1970–1980-е гг. специалисты имплантировались на высшие должности сельхозпредприятий (председатели колхозов, директора совхозов), в среднее и низшее звено управленцев

(бригадиры, управляющие отделениями, заведующие фермами и т. д.) [33, с. 144–145]. Важность процесса проникновения носителей интеллектуального капитала на верхний социальный этаж деревни – в слой протобуржуазии – состояла в том, что протобуржуазная фракция, будучи распорядителем и пользователем физических капиталов, в качестве такового рассматривала и интеллектуальный капитал и, следовательно, содействовала его рациональному внедрению в производство. Отметим, что, несмотря на то, что сельскохозяйственные интеллектуалы становились председателями колхозов, директорами совхозов, бригадирами и т. д., «микширования» классов протобуржуазии, менеджеров и носителей интеллектуального капитала не происходило, границы между ними по функциям, отношению к собственности, другим важнейшим характеристикам выглядят достаточно четкими.

Поиск своего места в аграрном производстве был одной из наиболее заботивших сельскохозяйственных интеллектуалов проблем: они стремились не просто приблизиться к производству, а непосредственно участвовать в нем и руководить процессом. Такой новый ресурс, как интеллект, поначалу трудно внедрялся в бывшее еще во многом патриархальное производство деревни. Сельское сообщество в 1930-е гг. фиксировало изначальную инородность сельскохозяйственных интеллектуалов в деревенской среде, что иллюстрируют, например, такие частушки: «Агрономшу я свою / По белой кофте узнаю. / Походочка утиная, / Головка лошадиная» [53, с. 176]. В письмах, других документах неоднократно встречаются ссылки на бытовавшую в колхозной среде 1930–1950-х гг. поговорку: «Был бы дождь, да гром, на кой черт нужен агроном!» [16, с. 191; 19, с. 25]. И дело здесь не только в недоверчивом отношении сельских жителей к агрономам, зоотехникам и другим сельскохозяйственным интеллектуалам. Низкокапитализированная экономика деревни не позволяла новому фактору производства проявить себя в сельскохозяйственной деятельности. Достаточно долго арсенал действенный агрономов, ветеринаров, зоотехников и т. д. не выходил за рамки агропропаганды. В эпистолярном наследии сельских интеллектуалов эта проблема проявилась особенно ярко. Так, агроном-семеновод Жуланской МТС Новосибирской области Е. Ф. Панасенко в 1940 г. писала в редакцию газеты «Социалистическое земледелие»: «Я могу вести работу только через председателя колхоза, через бригадиров... А что я для пред-

седателя – советник, советы которого не слушают. Что может быть тяжелее и унижительнее того положения, в которое я попала. В МТС никому нет дела до того, делаю я что-нибудь или не делаю, потому что у директора есть крайнее убеждение в ненужности агрономов. В колхозе председатели или убегают от меня, или кричат во все горло, что они и так все знают, нечего мне тут ездить» [РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 19. Д. 333. Л. 10–13].

Самые большие для интеллектуалов вопросы были связаны с их территориальной мобильностью. Так как непосредственное осуществление производственной деятельности требовало разъездов по территории участка, получение лошади было прямо связано с успешностью работы. Агрономы и другие интеллектуалы писали об этом в газету «Социалистическое земледелие» с большой обидой. В 1940 г. Петриков из Краснодарского края отмечал: «Какой будет авторитет у агронома, сидящего в правлении колхоза и ожидающего, когда над ним сжалятся и вывезут в поле; или у агрономов МТС, которые просят шофера Заготзерно подвезти их в колхоз? Еще хуже положение у агронома райзо. Он занимает перекресток дорог и прямо умоляет попутчиков, чтобы подбросили в колхоз» [РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 19. Д. 333. Л. 20].

Сельскохозяйственные интеллектуалы, относившиеся к новейшим, рожденным в колхозно-совхозный период социальным категориям, прилагали большие усилия к продвижению своего социального и экономического статуса. А. Мерк, агроном колхоза им. Ворошилова Омской области, в 1956 г. писал в редакцию газеты «Сельское хозяйство»: «Работая три года агрономом колхоза, я убедился, что настоящим организатором производства я стану лишь тогда, когда сам буду возглавлять производственную бригаду. И дело тут не в желании быть руководителем. Нет! Положение специалиста, сама жизнь обязывает решать многие вопросы самостоятельно, на ходу» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 124. Л. 15]. Примерно такой же путь внедрения интеллектуального капитала в сельхозпроизводство видело и руководство страны. Н. С. Хрущёв в 1953 г. на Пленуме ЦК КПСС, приводя пример из работы совхозов «Горняк» и «Комсомолец», расположенных в Октябрьском районе Ростовской области и находившихся примерно в одинаковых производственных условиях, обратил внимание на то, что в «Горняке» значительно выше удои молока, ниже себестоимость продукции животно-

водства, а прибыль за 1952 г. составляет 686 тыс. руб., в то время как «Комсомолец» получил в этот год убыток 407 тыс. руб. Причину таких результатов Хрущёв увидел в руководстве: «Горняком» руководил «опытный зоотехник т. Поваренкин», а совхоз «Комсомолец» возглавлял Бондаренко, «не имеющий необходимой подготовки и плохой организатор» [52, с. 70].

Уже в начале 1960-х гг. производственные функции интеллектуальных капиталистов выглядят достаточно оформленными. Агрономы несли ответственность за осуществление мероприятий по использованию земельных угодий, за выполнение плана урожайности сельскохозяйственных культур, организовывали применение удобрений, заготовку и хранение кормов и т. д. Зоотехник принимал участие в мероприятиях по росту поголовья скота, улучшению породности и продуктивности, по кормопроизводству и уходу, содержанию и кормлению скота и птицы, внедрению новых методов разведения животных. На инженера возлагалось руководство использованием машинно-тракторного парка, внедрение комплексной механизации, руководство ремонтом и хранением машин [39, с. 300–303]. Удельный вес интеллектуального капитала в производстве сельхозпродукции в 1960-е гг. становился все более весомым как количественно, так и качественно. В 1965 г. в среднем по РСФСР на каждый колхоз приходилось 5 освобожденных специалистов, в том числе агрономов – 1,2; зоотехников – 1; ветеринаров – 1,2; инженеров и техников – 1,3 человека [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 517. Л. 37]. В колхозах же Северо-Западного и Центрального Нечерноземного района наполненность производства сельскохозяйственными интеллектуалами была более низкой [55], что сопрягается с особенностями процесса капитализации в этом регионе – ее отстающим характером. Совхозы значительно (почти в 2 раза) превышали уровень интеллектуальной капитализации колхозов.

В плане материальной обеспеченности отличительной чертой сельскохозяйственных интеллектуалов было то, что они получали «монетизированную» заработную плату от государства. Заработная плата специалистов сельского хозяйства на фоне оплаты труда других групп, работавших в деревне, в середине 1930-х гг. выглядела достаточно высокой, современники относили их к слоям сельского общества с высоким достатком. По данным за март 1936 г., в совхозах и других сельхозпредприятиях РСФСР агрономический и инженерно-технический персонал получал в сред-

нем 364 руб., тогда как рабочие – в среднем 124 руб., служащие – 229 руб. в месяц [54, с. 49, 51].

Реальная оплата труда сельскохозяйственных интеллектуалов была выше, так как, кроме денежной, существовала и «натуральная» часть оплаты. Это касалось, прежде всего, бесплатного жилья, отопления и освещения (до 1937 г. эта льгота существовала у агрономов, до 1944 г. – у ветеринаров и зоотехников). Во второй половине 1930-х гг. проводилось повышение заработной платы агрономов, зоотехников, ветеринаров, на них была распространена государственная система социального страхования [40, 26, 24]. В 1939 г. служащим, проживающим в сельской местности, разрешили иметь приусадебный участок, но натуральная часть оплаты труда интеллектуалов («натуральные» услуги, наделение приусадебным участком) не рассматривалась ими как значимый источник средств существования.

Материальная самооценка сельскохозяйственных интеллектуалов, однако, свидетельствовала о неудовлетворенности уровнем жизни. Агроном-семеновод Латненской МТС Воронежской области Н. Шарькин в 1940 г., например, писал в газете «Социалистическое земледелие»: *«Какой агроном пойдет работать на участок за 300–400 руб. в месяц, чтобы быть в материальной зависимости от председателя колхоза, жить в самых отвратительных антисанитарных квартирных условиях, видеть, как рядовой колхозник живет значительно лучше и без всякого образования. Какой инженер-механизатор пойдет работать в МТС за 400–450 руб., если месячный заработок среднего тракториста, окончившего трехмесячные курсы и 1–2 года проработавшего на тракторе, в несколько раз выше месячного заработка этого инженера»* [РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 19. Д. 333. Л. 7]. Агроном И. Шульга высказывал схожее мнение: *«Агроном всегда раздет, разут, так как в очереди толкаться с колхозниками агроному не пристало, того и гляди придется выругаться, а это плохо влияет на авторитет агронома»* [РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 19. Д. 333. Л. 15].

Реализация нового подхода к оплате труда специалистов сельского хозяйства состоялась после их перевода из штатов МТС в колхозы во второй половине 1950-х гг. Теперь оплату труда сельскохозяйственных интеллектуалов, работавших в колхозах, производил колхоз, в основу оплаты были положены колхозные трудовые. Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 20 августа 1955 г. было определено, что уровень оплаты агрономов и зоотехников, переведенных на рабо-

ту в колхозы, должен составлять от 60 до 90 % (в зависимости от образования) трудовой и денежной доплаты, начисляемых председателю колхоза [14, с. 185]. И все же реформа, переместившая сельскохозяйственных интеллектуалов из людей «государственных» в «колхозные», серьезно ухудшила материальную сторону их жизни. В 1956 г. проверка, проведенная Министерством сельского хозяйства СССР, выявила, что в 218 колхозах Нечерноземной зоны РСФСР 58 % сельскохозяйственных интеллектуалов получали оплату труда ниже, чем раньше в МТС. В некоторых колхозах председатели объясняли, что низкая оплата агрономам и зоотехникам установлена потому, что «он, как председатель, не может иметь заработок меньше специалистов» [РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 18. Д. 1683. Л. 191, 195]. Колхозное сообщество также стремилось к оплате труда сельскохозяйственных интеллектуалов «на общих основаниях».

Другой проблемой материального положения, ярко выявившейся в середине 1950-х гг., было жилье. В записке Министерства сельского хозяйства СССР сообщалось, что, по материалам 3630 колхозов, из 4914 специалистов, работающих в них, 39 % снимают частные квартиры, 43 % живут в собственных домах или домах родителей и только 17 % квартиры предоставлены правлениями колхозов [РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 18. Д. 1683. Л. 158]. О распространенности подобной практики свидетельствует и популярный кинофильм «Дело было в Пенькове», снятый в 1957 г. (реж. С. Ростоцкий). Зоотехник Тоня, приехавшая на работу в колхоз, снимает угол у деда-колхозника.

Государство было вынуждено под давлением общественного мнения перемещенных специалистов оказывать серьезную материальную поддержку интеллектуалам. В начале 1960-х гг. материальное положение сельскохозяйственных интеллектуалов стабилизировалось, о чем можно судить по резко сократившемуся потоку писем и негативной аналитической информации разных ведомств. ЦСУ РСФСР в 1962 г., проанализировав данные по 16 областям РСФСР, выявило, что агрономы и зоотехники колхозов входят в группы со средней оплатой труда [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 394. Л. 2]. Сельскохозяйственные интеллектуалы оплачивались примерно на треть ниже протобуржуазного слоя (председателей колхозов), но несколько выше менеджерского слоя (бригадиров, заведующих животноводческими фермами) и значительно выше пролетарского слоя села – «рядовых» колхозников (в 2–5 раз).

Равными по оплате с сельскохозяйственными интеллектуалами в начале 1960-х гг. был слой рабочей аристократии (трактористы, комбайнеры). Однако уже к концу 1960-х гг. сельскохозяйственные интеллектуалы прочно выходят в оплату труда на вторую после протобуржуазии позицию: председатели колхозов РСФСР получали в 1967 г. 234 руб. в месяц, главные бухгалтеры – 161 руб., агрономы – 131 руб., зоотехники – 125 руб., ветврачи, ветфельдшеры – 87 руб., инженеры и техники-механики – 127 руб. в месяц [27, с. 46]. В совхозах СССР сельскохозяйственные интеллектуалы также оплачивались выше остальных категорий работников: в 1970 г. среднемесячная зарплата агрономов, зоотехников, ветеринаров и инженерно-технического персонала составляла 164 руб., тогда как зарплата рабочих и служащих – 101 руб. [49, с. 329].

Самосознание сельскохозяйственных интеллектуалов отделяло их от остальной деревенской массы. «Отчуждение» сельскохозяйственным интеллектуалам в глазах деревенских жителей придавало то, что они были людьми «пришлыми» и работали «за деньги». В повести В. Распутина «Деньги для Марии» (1967 г.), действие которой происходит в середине 1950-х гг., ярко описывается отношение сельского населения к специалистам. Агроном «в деревню... приехал два года назад из сельхозуправления, сам, по своей воле выбрал дальний колхоз, и за это его уважали, хотя сначала встретили недоверчиво: сидел в кабинете, был начальством, черт его знает, как с ним разговаривать, не будет ли он под видом агронома делать работу уполномоченного, каких раньше посылали в каждый колхоз. Но потом, наблюдая за агрономом, об опасениях этих как-то забыли. Дело свое он любил, летом с утра до ночи пропадал в полях и очень скоро стал в деревне своим человеком». Ветеринар «в деревне жил так давно, что уже мало кто помнил, что он тоже специалист». Зоотехник – «большая, с мужским голосом женщина. Она говорила мало, была спокойной, но в колхозе ее все равно побаивались». Механик описывается как «молодой парень, еще не снявший институтского значка», с «намеренно усталой походкой». Как видим, каждый специалист в деревне был на виду, и отношение к каждому различалось в зависимости от степени близости к сельскому населению, длительности проживания в деревне.

Постепенно серьезные культурные различия между сельскохозяйственными интеллектуалами и остальным деревенским населением исчезали:

об этом свидетельствуют результаты социологического обследования сельской молодежи 1969 г. Однако «культурная компонента» в жизни специалистов сельского хозяйства была все же выше – они читали больше художественной литературы, активнее интересовались политическими событиями в стране и в мире (чаще читали газеты, имели транзистор) [43]. В одежде и внешнем облике сельскохозяйственные интеллектуалы также становились близки к повседневному виду сельских жителей. Героиня очерка Г. Радова «Зинаида Ивановна» на посевной была «в сапогах, с невесть откуда, может быть, от отца доставшейся планшеткой через плечо, словом, в полной полевой форме» [29, с. 202].

* * *

В отличие от индивидуально-крестьянской сельской экономики, колхозно-совхозный капитализированный тип хозяйствования породил новый социальный класс интеллектуалов. Финансово-экономическая, технико-технологическая, агрономическая, ветеринарно-зоотехническая сферы хозяйствования не могли вестись по старинке, в рамках семейного типа организации производства или обособленного, отдаленного от производственных структур консультативно-рекомендательного механизма, что предопределило складывание профессиональных групп счетоводов-бухгалтеров-экономистов, механиков-инженеров, агрономов, зоотехников, ветврачей как обязательных участников индустриализовавшегося сельского производства. Дело, однако, не ограничилось только производственной специализацией, складывались и другие признаки социальной консолидации. Прежде всего, это относится к определенной монополизации новым слоем очень важного вида собственности – интеллектуального капитала. Конечно, сельская протобуржуазия и менеджеры также стремились к овладению этим ресурсом, однако лишь у интеллектуалов он преобладал над другими решающими факторами новой экономики. И если колхозно-совхозная верхушка, интеллектуализуясь, упрочивала свои позиции в деревенской иерархии, интеллектуалы захватывали все большие позиции в высших деревенских социальных стратах.

Даже в условиях повинностных механизмов эксплуатации деревни, характерных для 1930–1950-х гг., интеллектуалы выглядят наименее «закрепощенной» частью сельского социума с определенными правовыми привилегиями и достаточ-

но высоким материальным положением. Несомненно их привлекательность для деревенских низов, рассматривавшаяся как, пожалуй, одна из немногих позитивных внутридеревенских альтернатив желаемому для себя или хотя бы для детей бегству от безотрадной сельской доли.

Эти «маяки» сельского социума были достаточно обособленным слоем и по ментально-поведенческим характеристикам, что очень четко отразилось в простонародном сознании и творчестве писателей-деревенщиков. Неслучайны также предпочтения «классовой дружбы» сельскохозяйственных интеллектуалов – их основными внепроизводственными контрагентами в этом на селе были учителя, врачи, работники сферы культуры, то есть интеллигенты непромышленных отраслей.

Заметна особенность становления социального класса интеллектуалов в капитализировавшейся экономике государственного типа. В отличие от частнокапиталистической системы, под воздействием такого специфического советского способа управления, как социалистическая идеология, данная социальная общность выглядит весьма привлекательно, отличаясь высоким уровнем бескорыстия, служения народным интересам и другими традиционно почитаемыми в России чертами.

Список сокращений:

РГАЭ – Российский государственный архив экономики

РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

Библиографический список

1. Безнин, М. А., Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930–1980-х гг. [Текст] / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Социс. – 2011. – № 11. – С. 90–102.
2. Безнин, М. А. Капитализация в российской деревне 1930–1980-х годов [Текст] / М. А. Безнин, Т. М. Димони. – М.: URSS, 2009. – 127.
3. Безнин, М. А. Менеджеры в сельском хозяйстве России 1930–1980-х годов (новый подход к социальной истории российской деревни) [Текст] / М. А. Безнин, Т. М. Димони. – Вологда: Легия, 2009. – 113.
4. Безнин, М. А. Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы [Текст] / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Отечественная история. – 2002. – № 2. – С. 123–135.

5. Безнин, М. А. Протобуржуазия в сельском хозяйстве России 1930–1980-х годов (новый подход к социальной истории российской деревни) [Текст] / М. А. Безнин, Т. М. Димони. – Вологда: Легия, 2008. – 55 с.

6. Безнин, М. А. Социальная эволюция верхушки колхозно-совхозных управленцев в России 1930–1980-х годов [Текст] / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Российская история. – 2010. – № 2. – С. 25–43.

7. Борисов, Ю. С. Производственные кадры деревни, 1917–1941. Цивилизованные хозяйственники или «винтики» государственной машины? [Текст] / Ю. С. Борисов. – М.: Наука, 1991. – 227 с.

8. Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1940 годы [Текст] : [Сборник]. – М.: Сельхозгиз, 1940. – 448 с.

9. Gouldner A. W. Against Fragmentation: The origins of Marxism and the society of intellectuals / Alvin W. Gouldner. – New York; Oxford : Oxford univ. press, 1985. – X, 333 с.

10. Gouldner A. W. The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class // /Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective / Ed. by David B. Grusky. Westview Press, 1994. – 1104.

11. Грамши, А. Интеллигенция и организация культуры // Тюремные тетради / Антонио Грамши ; пер. с итал. ; вступ. ст. М. Н. Грецкого. – М.: Политиздат, 1991. – Ч. 1. – 559 с.

12. Гэлбрейт, Дж. Новое индустриальное общество. Избранное [Текст] / Джон Кеннет Гэлбрейт ; пер. с англ.: П. А. Алябьев и др. – М.: Эксмо, 2008. – 1197 с.

13. Давидович, Я. А. Критический анализ англо-американских советологических концепций социальной структуры и образа жизни сельского населения СССР периода развитого социализма [Текст] / Я. А. Давидович, В. И. Строверов // Социальная структура сельского населения. – М., 1991.

14. Законодательные и ведомственные акты по сельскому хозяйству / под общ. ред. В. А. Болдырева ; сост. П. Д. Альбицкий и др. [Текст] – М.: Госюриздат, 1957. – Т. 1. – 839 с.

15. Зуев, А. Интеллектуальный капитал [Электронный ресурс] / А. Зуев, Л. Мясникова // Альманах «Восток». Вып. 2. 2004. Февраль. – Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_355.htm (дата обращения 09.08.2010).

16. Изюмова, Л. В. Специалисты сельского хозяйства и колхозное крестьянство в 1930–1960-е годы: проблемы взаимоотношений [Текст] / Л. В. Изюмова // Управление и экономика: опыт, теория, практика : материалы научно-практической конференции. – Вологда, 2009. – С. 185–193.

17. Интеллигенция [Текст] // БСЭ. Второе изд. / под ред. Б. А. Введенского. – Т. 18. – М.: Большая советская энциклопедия, 1953.

18. Интеллигенция [Текст] // БСЭ. Первое издание / Гл. ред. О. Ю. Шмидт. Т. 28. – М.: Советская энциклопедия, 1937.

19. Кузовлев, Д. Не поле перейти: Очерки современной деревни [Текст] / Д. М. Кузовлев. – Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1977. – 160 с.
20. Куценко, О. Общество неравных [Текст]. – Харьков: Изд-во Харьковск. гос. ун-т им. В. Н. Каразина, 2000. – 316 с.
21. Social Stratification and Mobility in the USSR. Eds M. Yanowitch and W. A. Fisher. With commentary by S. M. Lipset // International Journal of Sociology. NY. 1973. Vol. III. № 1–2.
22. Народное хозяйство СССР в 1958 г. : стат. ежегодник [Текст] / ЦСУ СССР. – М.: Государственное статистическое издательство, 1959. – 960 с.
23. Народное хозяйство СССР. Стат. справочник. [Текст]. – М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1932. – 660 с.
24. О повышении заработной платы зоотехническим и ветеринарным работникам. Постановление СНК СССР от 9 января 1944 г [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.knukim-edu.kiev.ua/download/ZakonySSSR/data04/tex16408.htm> (дата обращения 12.11.2011)
25. Об улучшении использования молодых специалистов. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 15 сентября 1933 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kadis.ru/texts/index.phtml?id=29839> (дата обращения 29.08.2009).
26. Об улучшении государственного социального страхования служащих. Постановление ВЦПС от 31 июля 1937 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://knukim-edu.kiev.ua/download/ZakonySSSR/data04/tex16499.htm> (дата обращения 30.06.2010).
27. Оплата труда в совхозах и колхозах [Текст]. – М., 1968.
28. Собрание постановлений правительства СССР. [Текст]. – 1939. – № 10. – Ст. 70; 71.
29. Радов, Г. Зинаида Ивановна [Текст] / Г. Радов // Кого люблю. – М.: Советская Россия, 1971.
30. Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь [Текст] / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – 2. изд., испр. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 476 с.
31. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам [Текст] : в 6 т. Т. 4. – М.: Политиздат, 1968. – 783 с.
32. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам [Текст] : в 6 т., Т. 5. – М.: Политиздат, 1968. – 750 с.
33. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам [Текст]. – М.: Политиздат, 1979. – Т. 12. – 766 с.
34. Руткевич, М. Н. О социальной структуре советского общества [Текст] / М. Н. Руткевич // Социс. – 1999. – №. 4. – С. 19–28.
35. Сахаров. О правах и обязанностях агрономов [Текст] // Социалистическое земледелие. – 1940. – 30 июля.
36. Сборник постановлений СНК СССР [Текст]. – Т. 3. – М., 1939.
37. Сельское хозяйство СССР [Текст] : стат. сборник. – М.: Статистика, 1971. – 711 с.
38. Сельское хозяйство СССР [Текст] : стат. сборник. – М., 1981. – 911 с.
39. 740 вопросов и ответов по колхозному законодательству [Текст] : сборник консультаций / авт. кол.: Г. С. Башмаков, Ф. Г. Иваницкий, М. И. Козырь и др. ; отв. ред. Ф. Г. Иваницкий. – М.: Госюриздат, 1961. – 323 с.
40. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР за 1937 г. [Текст]. – М., 1946. – Ст. 331.
41. Солодовников, С. Ю. Класс интеллектуалов [Текст] // Большой энциклопедический словарь. Философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / гл. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. – Минск, 2002.
42. Социальная структура развитого социалистического общества в СССР [Текст] / под ред. М. Н. Руткевича и Ф. Р. Филиппова. – М.: Наука, 1976. – 224 с.
43. Социальный облик колхозной молодежи по материалам социологических обследований 1938 и 1969 гг. [Текст] / [А. В. Безруков, Г. Т. Журавлев, В. Е. Полетаев и др. ; редколлегия: В. Е. Полетаев (ответственный редактор) и др.] ; АН СССР, Ин-т истории СССР. – М.: Мысль, 1976. – 293 с.
44. Сталин, И. В. Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stalinism.ru/Том-XIV/O-proekte-Konstitutsii-Soyuza-SSR.html> (дата обращения 01.02.2012).
45. Струве, П. Б. Интеллигенция и революция [Электронный ресурс] / П. Б. Струве // Вехи : сб. ст. о русской интеллигенции. – Режим доступа: <http://www.yabloko.ru/Themes/History/struve-1.html> (02.11.05)
46. The Intelligentsia and The Intellectuals. Theory, Method and Case Study / Ed. By A. Gella. – SAGE: ISA, 1976. – 236 p.
47. The Russian Intelligentsia. Ed. by R. Pipes. N. Y., 1961. – 234 p.
48. Touraine A. The Voice and the Eye: An Analysis of Social Movements. – Cambridge Univer. Press, 1981. – 235 p.
49. Труд в СССР [Текст]. – М., 1975.
50. Турэн, А. Социальные движения, революция, демократия [Текст] / А. Турэн // Свободная мысль. – 1991. – № 14. – С. 33–43.
51. Тюрина, А. П. Укрепление колхозов и МТС кадрами руководителей и специалистов (1951–1958 гг.) [Текст] / А. П. Тюрина // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970 гг.). – М.: Наука, 1972. – С. 229–262.
52. Хрущёв, Н. С. О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР. Доклад на Пленуме ЦК

КПСС 3 сентября 1953 г. [Текст]. – М., Госполитиздат, 1953. – 28 с.

53. Частушки [Текст]. – М., Современник, 1987. – 494 с.

54. Численность и заработная плата рабочих и служащих в СССР (итоги единовременного учета за март 1936 г.). [Текст]. – М.: ЦУНХУ ГосПлана СССР, 1936. – 310 с.

55. Чистяков В. Б. Кадры специалистов аграрного производства Российской Федерации. 1945–1965 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hf.msiu.ru/nauka_1-10.htm (дата обращения 12.09.2011)

56. Экономический строй социализма [Текст] : в 3 т. – Т. 1. – М.: Экономика, 1984. – 720 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Beznin, M. A., Sotsial'nyye klassy v rossiyskoy kolkhozno-sovkhoznoy derevne 1930–1980-kh gg. [Tekst] / M. A. Beznin, T. M. Dimoni // Sotsis. – 2011. – № 11. – S. 90–102.

2. Beznin, M. A. Kapitalizatsiya v rossiyskoy derevne 1930–1980-kh godov [Tekst] / M. A. Beznin, T. M. Dimoni. – М.: URSS, 2009. – 127.

3. Beznin, M. A. Menedzhery v sel'skom khozyaystve Rossii 1930–1980-kh godov (novyy podkhod k sotsial'noy istorii rossiyskoy derevni) [Tekst] / M. A. Beznin, T. M. Dimoni. – Vologda: Legiya, 2009. – 113.

4. Beznin M. A. Povinnosti rossiyskikh kolkhoznikov v 1930–1960-ye gody [Tekst] / M. A. Beznin, T. M. Dimoni // Otechestvennaya istoriya. – 2002. – № 2. – S. 123–135.

5. Beznin, M. A. Protoburzhuziya v sel'skom khozyaystve Rossii 1930–1980-kh godov (novyy podkhod k sotsial'noy istorii rossiyskoy derevni) [Tekst] / M. A. Beznin, T. M. Dimoni. – Vologda: Legiya, 2008. – 55 s.

6. Beznin, M. A. Sotsial'naya evolyutsiya verkhushki kolkhozno-sovkhoznikh upravlentsev v Rossii 1930–1980-kh godov [Tekst] / M. A. Beznin, T. M. Dimoni // Ros-siyskaya istoriya. – 2010. – № 2. – S. 25–43.

7. Borisov YU. S. Proizvodstvennyye kadry derevni, 1917–1941. Tsvivilizovannyye khozyaystvenniki ili «vintiki» gosudarstvennoy mashiny? [Tekst] / YU. S. Borisov. – М.: Nauka, 1991. – 227 s.

8. Vazhneyshiyе resheniya po sel'skomu khozyaystvu za 1938–1940 gody [Tekst] : [Sbornik]. – М.: Sel'khozgiz, 1940. – 448 s.

9. Gouldner, A. W. Against Fragmentation: The origins of Marxism and the society of intellectuals / Alvin W. Gouldner. – New York; Oxford : Oxford univ. press, 1985. – X, 333 s.

10. Gouldner A. W. The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class // Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective / Ed. by David B. Grusky. Westview Press, 1994. – 1104.

11. Gramshi, A. Intelligentsiya i organizatsiya kul'tury // Tyuremnyye tetrady / Antonio Gramshi ; per. s ital. ; Vstup. st. M. N. Gretskogo. – М.: Politizdat, 1991. – CH. 1. – 559 s.

12. Gelbrejt, Dzh. Novoye industrial'noye obshchestvo. Izbrannoye [Tekst] / Dzhon Kennet Gelbrejt ; per. s angl.: P. A. Alyab'yev i dr. – М.: Eksmo, 2008. – 1197 s.

13. Davidovich, YA. A. Kriticheskiy analiz anglo-amerikanskikh sovetologicheskikh kontseptsiy sotsial'noy struktury i obraza zhizni sel'skogo naseleniya SSSR perioda razvitoго sotsializma [Tekst] / YA. A. Davidovich, V. I. Stroverov // Sotsial'naya struktura sel'skogo naseleniya. – М., 1991.

14. Zakonodatel'nyye i vedomstvennyye akty po sel'skomu khozyaystvu / pod obshch. red. V. A. Boldyreva ; sost. P. D. Al'bitskiy i dr. [Tekst] – М.: Gosyurizdat, 1957. – Т. 1. – 839 s.

15. Zuyev, A. Intellektual'nyy kapital [Elektronnyj resurs] / A. Zuyev, L. Myasnikova // Al'manakh «Vostok». Vyp. 2. 2004. Fevral'. – Rezhim dostupa: http://www.situation.ru/app/j_art_355.htm (data obrashcheniya 09.08.2010).

16. Izyumova, L. V. Spetsialisty sel'skogo khozyaystva i kolkhoznoy krest'yanstvo v 1930–1960-ye gody: problemy vzaimootnosheniy [Tekst] / L. V. Izyumova // Upravleniye i ekonomika: opyt, teoriya, praktika : materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Vologda, 2009. – S. 185–193.

17. Intelligentsiya [Tekst] // BSE. Vtoroye izd. / pod red. B. A. Vvedenskogo. – Т. 18. – М.: Bol'shaya sovet'skaya entsiklopediya, 1953.

18. Intelligentsiya [Tekst] // BSE. Pervoye izdaniye / Gl. red. O. YU. Shmidt. Т. 28. – М.: Sovetskaya entsiklopediya, 1937.

19. Kuzovlev, D. Ne pole pereyti: Ocherki sovremennoy derevni [Tekst] / D. M. Kuzovlev. – Arkhangel'sk : Sev.-Zap. kn. izd-vo, 1977. – 160 s.

20. Kutsenko, O. Obshchestvo neravnykh [Tekst]. – Khar'kov: Izd-vo Khar'kovsk. gos. un-t im. V. N. Karamzina, 2000. – 316 s.

21. Social Stratification and Mobility in the USSR. Eds M. Yanowitch and W. A. Fisher. With commentary by S. M. Lipset // International Journal of Sociology. – NY, 1973. – Vol. III. № 1–2.

22. Narodnoye khozyaystvo SSSR v 1958 g. Stat. yezhe-godnik [Tekst] / TSSU SSSR. – М.: Gosudarstvennoye statisticheskoye izdatel'stvo, 1959. – 960 s.

23. Narodnoye khozyaystvo SSSR [Tekst] : Stat. spravochnik. – М.; L.: Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izdatel'stvo, 1932. – 660 s.

24. O povyshenii zarabotnoy platy zootekhnikeskim i veterinarnym rabotnikam. Postanovleniye SNK SSSR ot 9 yanvarya 1944 g [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.knukim-edu.kiev.ua/download/ZakonySSSR/data04/tex16408.htm> (data obrashcheniya 12.11.2011)

25. Ob uluchshenii ispol'zovaniya molodykh spetsialistov. Postanovleniye TSIK SSSR i SNK SSSR ot 15 sentyabrya 1933 g. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.kadis.ru/texts/index.phtml?id=29839> (data obrashcheniya 29.08.2009).

26. Ob uluchshenii gosudarstvennogo sotsial'nogo strakhovaniya sluzhashchikh. Postanovleniye VTSSPS ot 31 iyulya 1937 g. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://knukim-edu.kiev.ua/download/ZakonySSSR/data04/tex16499.htm> (data obrashcheniya 30.06.2010).
27. Oplata truda v sovkhozakh i kolkhozakh [Tekst]. – M., 1968.
28. Sobraniye postanovleniy pravitel'stva SSSR [Tekst]. – 1939. – № 10. – St. 70; 71.
29. Radov, G. Zinaida Ivanovna [Tekst] / G. Radov // Kogo lyublyu. – M.: Sovetskaya Rossiya, 1971.
30. Rayzberg, B. A. Sovremennyy ekonomicheskiy slovar' [Tekst] / B. A. Rayzberg, L. SH. Lozovskiy, Ye. B. Starodubtseva. – 2. izd., ispr. – M.: INFRA-M, 1999. – 476.
31. Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam [Tekst] : v 6 t. T. 4. – M.: Politizdat, 1968. – 783 s.
32. Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam [Tekst] : v 6 t. T. 5. – M.: Politizdat, 1968. – 750 s.
33. Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam [Tekst]. – T. 12. – M.: Politizdat, 1979. – 766 s.
34. Rutkevich, M. N. O sotsial'noy strukture sovet-skogo obshchestva [Tekst] / M. N. Rutkevich // Sotsis. – 1999. – № 4. – S. 19–28.
35. Sakharov. O pravakh i obyazannostyakh agronomov [Tekst] // Sotsialisticheskoye zemledeliye. – 1940. – 30 iyulya.
36. Sbornik postanovleniy SNK SSSR [Tekst]. – T. 3. – M., 1939.
37. Sel'skoye khozyaystvo SSSR [Tekst] : stat. sbornik. – M.: Statistika, 1971. – 711 s.
38. Sel'skoye khozyaystvo SSSR [Tekst] : Stat. sbornik. – M., 1981. – 911 s.
39. 740 voprosov i otvetov po kolkhoznomu zakonodatel'stvu (sbornik konsul'tatsiy) [Tekst] : sbornik konsul'tatsiy / avt. kol.: G. S. Bashmakov, F. G. Ivanitskiy, M. I. Kozyr' i dr.; otv. red. F. G. Ivanitskiy. – M.: Gosyurizdat, 1961. – 323 s.
40. Sobraniye zakonov i rasporyazheniy rabochekrest'yanskogo pravitel'stva SSSR za 1937 g. [Tekst]. – M., 1946. – St. 331.
41. Solodovnikov, S. YU. Klass intellektualov [Tekst] // Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. Filosofiya, sotsiologiya, religiya, ezoterizm, politekonomiya / gl. nauch. red. i sost. S. YU. Solodovnikov. – Minsk, 2002.
42. Sotsial'naya struktura razvitogo sotsialisticheskogo obshchestva v SSSR [Tekst] / pod red. M. N. Rutkevicha i F. R. Filippova. – M.: Nauka, 1976. – 224 s.
43. Sotsial'nyy oblik kolkhoznoy molodezhi po materialam sotsiologicheskikh obsledovaniy 1938 i 1969 gg. [Tekst] / [A. V. Bezrukov, G. T. Zhuravlev, V. Ye. Poletayev i dr. ; redkollegiya: V. Ye. Poletayev (otvetstvennyy redaktor) i dr.]; AN SSSR, In-t istorii SSSR. – M.: Mysl', 1976. – 293 s.
44. Stalin, I. V. Doklad na Chrezvychaynom VIII Vsesoyuznom s"yezde Sovetov 25 noyabrya 1936 g. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://stalinism.ru/Tom-XIV/O-proekte-Konstitutsii-Soyuza-SSR.html> (data obrashcheniya 01.02.2012).
45. Struve, P. B. Intelligentsiya i revolyutsiya [Elektronnyj resurs] / P. B. Struve // Vekhi : sb. st. o russkoy intelligentsii. – M., 1909. <<http://www.yabloko.ru/Themes/History/struve-1.html>> (02.11.05)
46. The Intelligentsia and The Intellectuals. Theory, Method and Case Study / Ed. By A. Gella. – SAGE: ISA, 1976. – 236 p.
47. The Russian Intelligentsia. Ed. by R. Pipes. – N. Y., 1961. – 234 r.
48. Touraine A. The Voice and the Eye: An Analysis of Social Movements. – Cambridge Univer. Press, 1981. – 235 r.
49. Trud v SSSR [Tekst]. – M., 1975.
50. Turen, A. Sotsial'nyye dvizheniya, revolyutsiya, demokratiya [Tekst] / A. Turen // Svobodnaya mysl'. – 1991. – № 14. – S. 33–43.
51. Tyurina, A. P. Ukrepleniye kolkhozov i MTS kadrami rukovoditeley i spetsialistov (1951–1958 gg.) [Tekst] / A. P. Tyurina // Razvitiye sel'skogo khozyaystva SSSR v poslevoyennyye gody (1946–1970 gg.). – M.: Nauka, 1972. – S. 229–262.
52. Khrushchov, N. S. O merakh dal'neyshego razvitiya sel'skogo khozyaystva SSSR. Doklad na Plenum TSK KPSS 3 sentyabrya 1953 g. [Tekst]. – M., Gospolitizdat, 1953. – 28 s.
53. Chastushki [Tekst]. – M., Sovremennik, 1987. – 494 s.
54. Chislennost' i zarabotnaya plata rabochikh i sluzhashchikh v SSSR (itogi yedinovremennogo ucheta za mart 1936 g.). [Tekst]. – M.: TSUNKHU GosPlana SSSR, 1936. – 310 s.
55. Chistyakov V. B. Kadry spetsialistov agrarnogo proizvodstva Rossiyskoy Federatsii. 1945–1965 gg. [Elektronnyj resurs] // http://www.hf.msiu.ru/nauka_1-10.htm (data obrashcheniya 12.09.2011)
56. Ekonomicheskiy stroy sotsializma [Tekst]. – V 3 t. T. 1. – M.: Ekonomika, 1984. – 720 s.